

С.В. БОГДАНОВ,
В.Г. ОСТАПЮК,
В.А. МАСЛОВ

S.V. BOGDANOV,
V.G. OSTAPYUK,
V.A. MASLOV

АГЕНТУРА НЕМЕЦКИХ СПЕЦСЛУЖБ И КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИЕ ОРГАНЫ НА ЮГЕ И ЮГО-ВОСТОКЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1941—1943 гг.

THE AGENT NETWORK OF GERMAN SECRET SERVICES AND COLLABORATOR AGENCIES IN THE SOUTH AND SOUTHEAST OF THE KURSK REGION IN 1941—1943

Сведения об авторах. Богданов Сергей Викторович — профессор кафедры административного права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук (г. Белгород. E-mail: dr.bogdanov_sv@mail.ru);

Остапюк Владимир Григорьевич — заведующий кафедрой административного права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Белгород. E-mail: ostapyuk@bsu.edu.ru);

Маслов Владимир Александрович — аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород. E-mail: maslov@bsu.edu.ru).

Аннотация. В статье представлены результаты проведённого по архивным материалам органов государственной безопасности, впервые вводимым в научный оборот, исследования использования немецко-фашистскими оккупантами агентуры и коллаборационистских органов на юге и юго-востоке Курской области в 1941—1943 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; немецкий оккупационный режим; германские спецслужбы; русская вспомогательная полиция; агентура; коллаборационисты; южные и юго-восточные районы Курской области.

Information about authors. Sergei Bogdanov — Professor of the Administrative Law and Process Department at Belgorod State National Research University, D. Sc. (Hist.) (city of Belgorod. E-mail: dr.bogdanov_sv@mail.ru);

Vladimir Ostapyuk — Head of the Administrative Law and Process Department at Belgorod State National Research University, Cand. Sc. (Law), Assistant Professor (city of Belgorod. E-mail: ostapyuk@bsu.edu.ru).

Vladimir Maslov — postgraduate at Belgorod State National Research University (city of Belgorod. E-mail: maslov@bsu.edu.ru).

Summary. The paper offers the results of research into the archival materials of state security bodies for the first time brought into scientific circulation pertaining to the use of agents and collaboration agencies in the south and southeast of the Kursk Region by Nazi German occupants in 1941—1943.

Keywords: Great Patriotic War; German occupation regime; German secret services; Russian auxiliary police; agents; collaborators; south and southeast of the Kursk Region.

ОДИН из сложных аспектов истории Великой Отечественной войны — добровольное сотрудничество части советских граждан с оккупационными властями на временно захваченных гитлеровцами территориях СССР. Научный интерес к проблемам коллаборационизма в тот период нашёл отражение в работах А.Н. Колесника и В.В. Малиновского, Г.А. Беликова, М.И. Семиряги, Е.Ф. Кринко, С.И. Дробязко, О.В. Будницкого¹ и др. Хотя число монографий, диссертаций, научных статей, посвящённых коллаборационизму в СССР в годы вооружённой борьбы с фашизмом, за последние десятилетия значительно выросло, данная

проблема нуждается в продолжении исследования.

«Военно-исторический журнал» уделяет внимание её освещению. Так, в одной из недавних публикаций был представлен анализ отражения в научной литературе причин, признаков и определений коллаборационизма². Она сделала излишним повторение данных аспектов темы в нашей статье и позволила сосредоточиться на освещении результатов исследования проблемы по впервые вводимым в научный оборот архивным материалам органов государственной безопасности Белгородской и Курской областей, которые отражают их многолетнюю работу по розыску пособников захват-

чиков и представляют собой ценные источники для изучения различных сторон коллаборационизма на оккупированных территориях СССР в годы Великой Отечественной войны.

Наше исследование территориально ограничено южными и юго-восточными районами Курской области, которые в 1954 году в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР вошли в Белгородскую область, выделенную из состава Курской. Тогда же в новой области были созданы органы государственной безопасности. Одним из направлений их деятельности стали розыск и следственные действия в отношении предателей, пере-

шедших на сторону нацистской Германии в годы Великой Отечественной войны.

Курская область представляла особый интерес для немецкого командования в силу её географического положения и значения для реализации захватнических устремлений гитлеровской Германии. Для контроля территории области, включавшей 66 районов, утверждения и поддержания оккупационного режима, обеспечения безопасности немецких войск захватчиком потребовалось привлечь соответствующие силы и средства. Заметную роль в решении этих задач фашисты отводили представителям местного населения, изъявившим желание сотрудничать с оккупационными властями.

В отчётных документах 4-го отдела управления Наркомата внутренних дел (УНКВД) по Курской области отмечалось, что уже в первые недели оккупации в ней активно действовали разведывательные, контрразведывательные и карательные формирования захватчиков³. В начале декабря 1941 года спецслужбы нацистской Германии значительно усилили деятельность по выявлению лиц, причастных к партизанскому движению. Советская агентура сообщала, что по населённым пунктам вместе с немцами разъезжали пленные красноармейцы, одетые в советскую военную форму с белыми повязками на левых рукавах. Они жаловались местным жителям на скверное питание и плохое отношение к ним немцев, имитируя стремление примкнуть к партизанскому движению, старались выяснить местонахождение партизан, коммунистов и оказавшихся на оккупированной территории военнослужащих Красной армии⁴.

Дислоцировавшаяся с ноября 1941 по июль 1942 года в Харькове абвергруппа-204 занималась вербовкой агентуры, в т.ч. в Белгородском районе Курской области, проявляла повышенный интерес к попавшим в плен красноармейцам-украинцам. Возглавлявший её ротмистр Хохенштейн (в архивных документах нет инициалов некоторых из упомянутых в статье лиц) создал специальную группу, которая провела несколько операций в

тылу советских войск и захватила «языка» под Белгородом.

Абвергруппа-206, появившись в мае 1943 года северо-восточнее Белгорода, в с. Скородное, действовала против частей Красной армии в районе северного фаса Курской дуги.

Абвергруппа-304, ранее действовавшая под Харьковом и Волчанском, в июне 1942 года передислоцировалась в районный центр на юге Курской области — г. Новый Оскол, разместила часть своих сил (мельдекопфов) в с. Велико-Михайловка и г. Старом Осколе, вела активную контрразведывательную работу.

Абвергруппа-323 прибыла в с. Серетино Томаровского района Курской области для борьбы с партизанами и подпольщиками в июне 1943 года.

У абверкоманд и абвергрупп, действовавших на юге и юго-востоке Курской области, были постоянные агенты, перемещавшиеся вместе с ними. При отступлении немецких войск формирования абвера оставляли свои резидентуры и агентуры для работы на территориях, освобождённых Красной армией. В их задачи входили диверсии на военных и важных гражданских объектах, распространение пораженческих слухов среди гражданского населения и советских военнослужащих, сбор разведывательной информации, расширение агентурной сети за счёт местного населения.

На юге и юго-востоке Курской области в 1941—1943 гг. действовали и формирования ещё одной немецкой спецслужбы — тайной полевой полиции (ГФП — от нем. GFP — Geheime Feldpolizei). ГФП организовывала и координировала карательные операции против партизан и гражданского населения, выявляла агентов советских разведывательных и контрразведывательных органов в тылу немецких войск, контролировала местных жителей. Офицеры ГФП участвовали в организации вспомогательной полиции на оккупированных территориях. В Белгороде по ул. Ленина, 52 размещалось подразделение тайной полевой полиции, участвовавшее в борьбе с партизанами. Каратели выезжали для проведения специальных

операций в районы, в которых оккупанты фиксировали наиболее активную партизанскую деятельность, — в Сажновские, Корочанские, Шебекинские, Валуйские леса. Эту задачу в контакте с ГФП выполняли дивизии охраны тылов и тыловых коммуникаций. Для противодействия партизанскому движению формирования ГФП создавали сеть агентов, которые должны были устанавливать контакты с населением, выявлять партизан, их укрытия, пункты снабжения и помощников.

Один из советских граждан, входивших в формирование ГФП под номером 725, Д.Д. Кремер свидетельствовал, что «при ГФП были штатные агенты. По фамилиям я помню Луценко и Кравченко. Оба появлялись в штабе в гражданской одежде, пользовались особыми привилегиями, имели связи непосредственно с руководством ГФП-725»⁵.

В начале весны 1942 года немецким спецслужбам удалось наладить сбор агентурой информации о партизанском движении в Шебекинском, Белгородском и Грайворонском районах Курской области. В большинстве информаторами оккупантов были низовые руководители-коллаборационисты, например старосты сёл Рождественка И. Иванов и Мокрая Орловка Ф. Осетров, назначенные немцами управляющими колхозами Р. Голиков (с. Сподорюшино) и Хворос⁶.

Вместе с тем за время оккупации немецким и итальянским органам не удалось внедрить свою агентуру в Валуйский партизанский отряд, который активно боролся с врагом, вынудив его осенью 1942 года провести антипартизанскую войсковую операцию «Осенний лес», которая оказалась безуспешной.

Захватчики пытались привлечь к сотрудничеству бывших советских, партийных и комсомольских работников и активистов. Об этом свидетельствуют материалы архивного уголовного дела № 7718 на одного из бывших ответственных работников Валуйского райкома партии Г.Г. Каминского, обвинённого в преступлении, предусмотренном ст. 58-1а УК РСФСР (измена Родине), которое хранится в управлении ФСБ РФ по Белгородской области.

Каминский, арестованный фашистскими карательными органами после оккупации Валук, дал подписку о сотрудничестве с полицией и службой безопасности. По их заданию выявлял коммунистов, советский актив и партизан. В октябре 1942 года Каминский утверждал, что выполняет «специальные задания гестапо, и фамилия теперь у него Иванов»⁷, не раз выезжал в деревни Валуйского района для сбора сведений о нахождении партизанского отряда.

Материалы архивного уголовного дела № 8215 на Е.Т. Будыкину, бывшую работницу Валуйского райкома ВЛКСМ, расследованного сотрудниками Наркомата госбезопасности (НКГБ) в 1943 году, свидетельствуют, что она, работая в полиции, была связана с немецкими офицерами службы безопасности (СД) и систематически устраивала в своём доме «гулянки-кутежи», на которые приглашала начальников полиции, тюрьмы и полицейских офицеров, не раз посещала квартиру офицера СД, передавая ему сведения о комсомольцах и комсомольских организациях в районе⁸.

На захваченной территории СССР оккупанты создавали разветвлённые аппараты репрессивных органов, не только германских, но и под их руководством — коллаборационистских, комплектовавшихся антисоветски настроенными местными жителями. Один из них — русская вспомогательная полиция. Её формировали принципиально иначе, нежели в захваченных немецкими войсками странах Западной Европы, в которых оккупанты привлекали на службу сотрудников местных правоохранительных органов. В СССР сотрудники органов НКВД боролись с врагом в рядах Красной армии, подполье и партизанских отрядах. Немецкое командование предписывало своим карателям и русским полицейским при поимке сотрудников НКВД расстреливать их.

Сформированная оккупационными властями из местных жителей на юге и юго-востоке Курской области вспомогательная полиция помогала захватчикам выполнять карательные функции. В сёлах были ориен-

тировано по 3—5 полицейских. Кроме того, действовали волостные (районные) и городские органы полиции. Были назначены сельские старосты и созданы полицейские группы численностью от 5 до 10 человек. В обязанности полицейских входило проверка документов у местных жителей, задержание и доставка в немецкие комендатуры подозрительных.

Инициатива назначения на должность сельского полицейского исходила от должностных лиц местной коллаборационистской администрации — старосты и старшего полицейского села, старшины волости, старшего волостного полицейского, бургомистра волости (района), начальника волостной (районной) полиции. Кандидатов в полицейские проверяли немецкие спецслужбы. В городах и районах были созданы полицейские управления с отрядами полиции численностью до 200 человек⁹.

По показаниям бывшего заместителя бургомистра Белгорода А.А. Курдюмова и бывшего помощника начальника Белгородской полиции Г.И. Федоровского в период оккупации этого райцентра Курской области с 1941 по 1943 год в нём на ул. Ворошилова, в доме № 9 размещался штаб одного из формирований немецкой разведки, руководителем которого был К.К. Штарк. На той же улице, в доме № 7, находилась комендатура (ортскомендатура), в доме № 11

— подразделение русской вспомогательной полиции во главе с назначенным немцами С.Н. Белановым, на ул. Пионерской, в доме № 20 — взвод во главе с Н. Зыряновым. Городская полиция размещалась на углу улиц Будённого и Красина. В последующем комендатура размещалась на ул. Ново-Московской, в здании бывшей поликлиники. Там же было размещено подразделение немецкой жандармерии. Городская полиция размещалась на ул. Комсомольской¹⁰. Данные показания арестованного в 1957 году органами госбезопасности Федоровского нуждаются в уточнениях. На протяжении оккупации Белгорода немцы изменяли систему коллаборационистских репрессивных органов. Упомянутый взвод был выделен из состава городской полиции и передан в подчинение военному коменданту. Федоровский упоминал советские названия улиц. Немецкое командование через два месяца после захвата Белгорода издало приказ о переименовании его улиц на немецкий лад, но названные оккупантами названия не прижились ни среди населения, ни среди служащих коллаборационистских органов.

Сразу после захвата немецкими войсками одного из важных железнодорожных узлов на юго-востоке Курской области в Валуйском районе там началось создание репрессивных органов — городской и районной полиции, следственных

Советские воины на улице освобождённого Белгорода Август 1943 г.

органов, окружной тюрьмы. Первым начальником районной полиции оккупанты назначили Д.С. Салосина. В октябре 1942 года его сняли с этой должности и отправили в г. Купянск. Через месяц Салосин вернулся в Валуйки и получил оперативный псевдоним «Самсонов». Немцы 5 раз перебрасывали его через линию фронта в расположение частей Красной армии. После выполнения заданий он возвращался обратно, был награжден железным крестом¹¹.

В период оккупации Валук немецкие подразделения службы безопасности создали специальные карательные группы, в которые включили руководителей местных коллаборационистских репрессивных органов. Так, в карательную группу во главе с Салосиным входили следователи Курчевский и Аксёнов, заместитель начальника полиции Смирнов, полицейские Белолян и Манюков, начальник тюрьмы Ячейкин, его заместитель Чернокалов и завхоз тюрьмы Капустин. Эта группа была тесно связана с отделением СД, активно участвовала в облавах. Впоследствии на допросах бывшие руководители валуйской полиции признали, что целью этой карательной группы была борьба с партизанами, коммунистами и советским активом¹².

После захвата гитлеровцами Белгорода для утверждения немецкого оккупационного порядка на юге и юго-востоке Курской области немецкие органы оккупационной администрации вместе с созданными ими коллаборационистскими (управы, бургомистры, сельские старосты, старосты улиц) и силовыми органами начали выявлять и проводить массовые аресты членов ВКП(б) и ВЛКСМ, советских активистов, сотрудников НКВД, прокуратуры, судов, жителей, связанных с партизанами и подпольем, а также заподозренных в нелояльности к фашистскому режиму.

Белгородская городская полиция проводила аресты и следствие. Материалы и арестованных передавала немецкой жандармерии. Бывший помощник начальника городской полиции Г.И. Федоровский на допросе признался: «Всего мною было

передано в жандармерию до 50 человек советских патриотов»¹³.

Начальник полиции Беланов и его заместитель Ушаков с подчиненными арестовывали коммунистов и других лиц, выявленных агентурой К.К. Штарка, проводили следствие, составляли заключения о степени виновности арестованных и принимали решения о мере наказания, включая расстрел. Штарк утверждал эти заключения, и людей расстреливали русские полицейские под руководством Беланова или Ушакова, а также немецкого фельдфебеля, находившегося в распоряжении К.К. Штарка¹⁴.

Как показал Г.И. Федоровский, начальник городской полиции Беланов считал, что необходимо привлечь больше полицейских к расстрелам арестованных¹⁵.

Помощник начальника городской полиции Белгорода Т.А. Спесивцев организовал разведывательную группу из 19 человек, которая была раскрыта после освобождения Белгородского района от оккупантов советскими войсками¹⁶.

Массовые аресты оккупанты и их помощники проводили по спискам, составленным низовыми работниками созданных немцами коллаборационистских административных органов — уличными и сельскими старостами. От арестованных жандармерия добивалась признательных показаний. Если их не удавалось получить, арестованные становились заложниками. Для их запугивания жандармерия ввела в практику оглашение приговоров в камерах среди заложников¹⁷.

Немцы с первых дней оккупации продемонстрировали гражданскому населению сущность своего «нового порядка» и нашли на юге и юго-востоке Курской области тех, кто добровольно стал пособниками их преступлений. Как показывают материалы архивных уголовных дел, в числе основных мотивов измены Родине были страх наказания за дезертирство из рядов Красной армии, стремление выжить, реализация собственных преступных наклонностей и желание власти над окружающими или мести советской власти и отдельным должностным лицам.

Как указано в справке УНКВД по Курской области, на 1 октября

1943 года всего были арестованы 13 552 человека, в т.ч. 381 агент немецких спецслужб, действовавших на территории области в период её оккупации, 12 898 активных пособников фашистов, бывших полицейских и др.¹⁸

Органы государственной безопасности до конца войны и на протяжении послевоенных десятилетий продолжали работу, направленную на розыск, расследование преступлений и предание суду прихвостней немецко-фашистских оккупантов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Колесник А.Н. Генерал Власов — предатель или герой? М., 1991; Малиновский В.В. Кто он, российский коллаборационист: патриот или предатель? // Вопросы истории. 1996. № 11 — 12. С. 160; Беликов Г.А. Оккупация. Ставрополь. Август 1942 — январь 1943. Ставрополь, 1998; Семиряга М.И. Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны М., 2000; Кричко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942—1943 гг.). Майкоп, 2000; Дробязко С.И. Под знаменем врага: анти-советские формирования в составе германских вооруженных сил 1941—1945 гг. М., 2004; Будницкий О.В. Одесса. Жизнь в оккупации, 1941—1944. М., 2013.

² См.: Брычков А.С., Карпеко В.П. Коллаборационизм: причины, признаки и определения // Воен.-истор. журнал. 2019. № 6. С. 34—42.

³ Архив управления Федеральной службы безопасности РФ по Курской области (АУФСБ по Курск. обл.). Ф. 4-го отд. УНКВД. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.

⁴ Там же. Д. 136. Л. 5, 6.

⁵ Архив управления Федеральной службы безопасности РФ по Белгородской области (АУФСБ РФ по Белгор. обл.). Ф. 12. Оп. 1. Д. 13140. Т. 2. Л. 218, 220, 252.

⁶ Там же. Д. 22. Т. 1. Л. 61, 62.

⁷ Там же. Ф. 12. Оп. 1. АУД № 7718. Л. 23, 60.

⁸ Там же. Ф. 10. Оп. 1. АУД № 8215. Л. 16—18, 20, 22—27, 40—47, 49—53, 55, 58.

⁹ Там же. Ф. 4-го отдела УНКВД. Оп. 1. Д. 129. Л. 12.

¹⁰ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 11183. Т. 8. Л. 62, 63.

¹¹ Там же. Ф. 12. Оп. 1. АУД № 13132. Т. 1. Л. 97.

¹² Там же. Л. 76.

¹³ Там же. Л. 94.

¹⁴ Там же. Т. 8. Л. 56, 57.

¹⁵ Там же. Т. 1. Л. 176.

¹⁶ Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 335. Оп. 5136. Д. 120. Л. 77, 78.

¹⁷ АУФСБ РФ по Белгор. обл. Ф. 12. Оп. 1. АУД № 13132. Т. 8. Л. 118.

¹⁸ АУФСБ РФ по Курск. обл. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5 (1945). Л. 61. ■